

© В.В. Баранова

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ГРЕКИ ПРИАЗОВЬЯ: ЯЗЫК И САМОСОЗНАНИЕ

Тема данной статьи – соотношения языка и этнической самоидентификации *мариупольских*, или *приазовских греков* (Донецкая обл. Украины)¹. Одна из наиболее интересных особенностей этого сообщества – несовпадение их этнического самосознания и родного языка. Часть мариупольских греков говорит на урумском (одном из тюркских языков), тогда как родной язык другой части – румейский (греческая группа индоевропейской семьи). Обе группы называют себя *греками*; так они обозначены в документах (до отмены в паспортах графы "национальность" на Украине) и переписях населения², обладают одинаковыми бытовыми практиками³ и исповедуют православие. По-видимому, двуязычие сформировалось еще в Крыму, откуда греки переселились на побережье Азовского моря в 1778–1779 гг. В Приазовье урумы и румей селились отдельно друг от друга, основывая разные поселки.

Начиная с 1990-х годов приазовские греки активно ищут основания для своей этнической самоидентификации; это связано прежде всего с теми материальными и символическими ресурсами, которые предоставляет им сегодня "титularyное" государство – Греция. Этнические греки имеют право на облегченный визовый режим и на получение гражданства Греции; многие жители Приазовья, подтвердившие свое греческое происхождение, регулярно выезжают в Грецию на временную работу. Этнические организации, объединенные в Федерацию греческих обществ Украины (ФГОУ, г. Мариуполь), транслируют идеологию диаспоры и новых формулировок этничности приазовских греков в контексте "воображаемого сообщества" (Anderson 1998). Повседневная работа греческих обществ направлена на обеспечение связей с "материнской" культурой (организация поездок, преподавание новогреческого языка в школах Приазовья и т.д.)⁴.

При обсуждении этничности урумов язык оказывается в центре внимания как самих носителей, так и их соседей и внешнего наблюдателя – исследователя. Нас будет интересовать, как соотносятся для урумов "не соответствующие" друг другу язык и этничность.

Дж. Фишман разделяет группы на те, для которых родной язык является главным признаком этничности, и на те, для которых он служит лишь необязательным, дополнительным выражением этничности (Fishman 1997: 330). Символическая функция языка связана с сохранением идиома, однако эта связь не всегда прямая: находящийся под угрозой исчезновения идиом (или уже исчезнувший, как "марковский говор"; см. Вахтин 2001) может быть символом группы, а язык, не считающийся основным маркером группы, способен в течение длительного времени оставаться жизнеспособным.

Промежуточным звеном между сохранением языка и этнической самоидентификацией оказывается языковая лояльность (language loyalty) – поддержка идиома или готовность носителей отказаться от него. Языковая лояльность выражается в оценках языка по таким параметрам, как эстетическая ценность, высокий или низкий статус, коммуникативная пригодность и пр. Осознанная языковая лояльность (свойственная в первую очередь интеллектуальной элите, см. Fishman 1989b) приводит к тому, что этничность становится сознательным фактором в утрате или сохранении идиома (Fishman 1989a: 219).

Принятые в сообществе номинации снимают "противоречие" между языком и этничностью: урумы называют себя *греками*, а свой язык *греческим*; иногда они считают необходимым пояснить для приезжего – *наш греческий, греко-татарский*. Румейский язык урумы называют *элинским*.

В урумских поселках распространены различные мнения о статусе родного идиома и интерпретации двуязычия греков Приазовья. Представители старшего поколения урумов, как прави-

Влада Вячеславовна Баранова – слушатель факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

ло, не имеют четкой позиции по данному вопросу: *"Греческий есть один язык, второй язык, третий язык... А наш язык – не знаем, какой, к кому он относится"* (ОГХ, жен., 1919 г., Старый Крым)⁵. Рядовой носитель языка достаточно редко интересуется лингвистическими классификациями. Стремясь истолковать опыт взаимодействия с румеями / с греками из Греции, говорящими на другом языке, и взаимопонятность урумского и других тюркских языков, урумы ориентируются на единственный подлинно известный факт: их язык – греческий, а они сами – греки, следовательно, в Греции распространен эллинский, а не греческий язык, а последний представлен в различных республиках бывшего СССР и в Турции. *"И в Туркмении наш язык есть, деточка. Вот я была месяц в Туркмении в 71 году, там вот эти туркмены точно как черноморские разговаривают наши... Ну, как греки. Только они туркмены называются"* (ПМК, жен., 1917 г., Старый Крым).

Более молодые урумы, обсуждая сходство турецкого, азербайджанского, гагаузского или казахского языков с урумским, называют его "греческим" с оттенком иронии, повинуюсь традиционному словоупотреблению (в других контекстах они естественно используют этот лингвоним). *"Я служить попал в Крым. А от турецкой границы 12 минут подлетного времени. Турция. Радио играет – я возьми да переведи. "Ты что, знаешь турецкий?" – "Да не знаю, я греческий знаю!" Чуть не вернули обратно"* (ВИК, муж., 1951 г., Старый Крым).

Большинство урумов осознает условность принятого в сообществе лингвонима. В начале интервью информант часто уточнял, что в поселке говорят на *"нашем греческом, греко-татарском"*, а не на *"чисто эллинском языке"*, и предполагал, что исследователь ошибся (*"вам, наверное, тот греческий нужен?"*), однако затем довольно быстро переходил на привычную ему систему номинаций.

Представление о "негреческой" природе урумского языка формируется во взаимодействии с другими группами, в первую очередь с сообществами, также претендующими на греческую идентичность, т.е. с румеями и греками из Греции. Соотношение урумского и румейского языков отличается в восприятии представителей разных групп: урумы отмечают, что они "не понимают эллинского" (так как говорят "по-гречески"), тогда как румей называют язык урумов "греко-татарским" или "татарским", а собственный идиом – "греческим".

Греки из Греции, или *настоящие греки*, негативно воспринимают идиом урумов. Информантка, несколько лет работавшая в Греции, отмечала, что старалась скрыть родной язык: *"Ни в коем случае об этом говорить нельзя было, потому что конфронтация с турками и многолетняя вражда. Очень враждебно настроены к туркам. Нельзя было говорить о том, что вот язык у нас не сходится"* (ЛВА, 1969 г., Гранитное).

Публицистика греческих обществ Приазовья, ориентированная на контакты с Грецией, объясняет двуязычие группы насильственной языковой ассимиляцией в Крыму: татары якобы требовали от греков отказа от родного языка под страхом смерти. Наиболее радикальные греки, придерживающиеся этой точки зрения, предполагают заменить навязанный урумам идиом на "исконный" новогреческий язык, который сегодня преподают в школах в урумских поселках⁶. Эту версию часто упоминают в интервью румей, но не урумы; последние не воспринимают свой идиом как "язык врагов"⁷, в отличие, например, от другой тюркоязычной греческой группы – урумов Цалки* (Елоева 1995).

Хотя признание "негреческой" природы урумского языка под воздействием греческой публицистики и контактов с соседями привело к кризису идентичности, информанты не готовы отказаться от своего языка. Урумам свойственна достаточно высокая языковая лояльность. Свой идиом они описывают как *родной, красивый*, хотя и менее *полезный*, по сравнению с русским языком. *"Но если оно мое родное – все равно, как бы ни было... у меня родителей не стало уже давным-давно, и все равно это греческий язык. Для меня, например, это слово родное. Например, я хочу сказать "ты красивая" – сен гюзель – и мне хочется сказать на своем языке"* (ЛАД, жен., 1937 г., Гранитное). Многие информанты высказывали озабоченность в связи с возможной утратой урумского языка последующими поколениями.

* Цалкское нагорье в Грузии.

Урумы подчеркивают солидарность с теми, кто говорит на родственных урумскому языках, и часто упоминают об опыте взаимодействия с носителями других тюркских языков. «Сын, когда попал в армию, он так страдал, так скучал. И пишет мне письмо: "Мама! Я услышал свой родной язык, и как будто дома побывал!". Он услышал, как разговаривают два азербайджанца. А они немножко... ну, наш язык может понять их язык. И они могут понять» (АПЖ, жен., 1939 г., Старый Крым). Встречи с такими носителями относятся к индивидуальному опыту и происходят, как правило, вне дома (в армии, отпуске и пр.), поэтому у урумов нет сложившихся, принятых всем сообществом представлений о конкретных тюркоязычных этносах. Рассказы о контактах такого рода помимо чувства солидарности часто демонстрируют *пользу, практическую выгоду* звания урумского: носители других тюркских языков приходят на помощь в трудной ситуации, если к ним обратиться на "греческом" языке.

Поскольку греки Греции и румсы не признают название *греческий* для идиома урумов, урумы ищут для него новые определения, манифестирующие связь с другими сообществами, сохраняя в то же время *греческую* идентичность. Наиболее распространенные этнонимы, противопоставляющие урумов и румеев, – *греко-татары* и *греко-эллины* – подчеркивают соединение *греческой* этничности и *татарского* языка, т.е. признают двойственный статус группы. "Мы ж – греки. И татарский язык у нас. Вот и назвали – греко-татары" (АНФ, жен., 1926 г., Старый Крым). Этноним *греко-татары* воспринимается как внешнее наименование, и некоторые информанты протестовали против него, однако большинство урумов готово принять его. Этнонимы *греко-эллины* и *греко-татары* задают продуктивную модель образования новых номинаций в интервью: *еще, вроде, бывают греко-грузины, греко-эллины и греко-мы* (ЕЛК, жен., около 1923 г., Старый Крым).

Лингвистически урумский чрезвычайно близок крымско-татарскому языку, однако сами урумы, как правило, избегают однозначного отождествления своего идиома с татарским или турецким языками, предпочитая говорить об их "сходстве". Информанты часто отмечают *смешанность* идиома (соединение элементов различных тюркских или *татарского и греческого/эллинического* языков), позволяющую говорить об урумском как об отдельном языке, несводимом полностью ни к одному, ни к другому. Информанты характеризуют свой идиом как "*особый какой-то язык*" (МАК, жен., 1935 г., Старый Крым). "*Кто его знает, кто нашел, кто сотворил наш греческий вот язык? Мы разговариваем по-своему*" (АНФ, жен., 1926 г., Старый Крым). Признак смешанности переносится и на группу: многие информанты называли урумов *смешанными греками*.

Если большинство урумов ограничивается указанием на смешанность группы или сочетание "греко-татарского языка" и "греческой крови", то представители урумской элиты в пос. Старый Крым⁸ и более молодые информанты, владеющие "верными" представлениями о греках, турках, татарах, стремятся создать непротиворечивую версию этнической истории группы. Как отмечает В.А. Шнирельман, выбор той или иной версии истории определяется не ее исторической достоверностью, а интересами представителей группы (Шнирельман 2003: 12). "Воображаемые сообщества" дают людям возможность интерпретировать постоянные границы с соседями, объяснить сходство или различие контактирующих групп сквозь призму "наций". Устная история сообщества ведет отсчет с момента переселения из Крыма в Приазовье, но для некоторых информантов принципиально важным оказывается докрымское место проживания группы ("в Греции" или "в Турции"), служащее основанием для этногенетических построений. Представители урумской культурной элиты придерживаются различных, порой взаимоисключающих точек зрения на происхождение группы; возможно, если идеология ФГОУ сохранится, урумы обретут непротиворечивую и связную "новую историю" группы, символами которой могут оказаться турецкое происхождение или статус особой смешанной группы – *урумов* (на сегодняшний день этот этноним практически неизвестен информантам).

Урумский язык выполняет функцию символа *греческой* идентичности и поддерживает границу с соседними сообществами (урумы подчеркивают, что *греки* отличаются от румеев, русских и других соседей своим *греческим* языком). Внутри сообщества урумы создают непротиворечивые представления о соотношении *греческого* языка и *греческой* этничности, но утрачива-

ют их при столкновении с любой другой группой, претендующей на *греческую* идентичность. Во взаимодействии с румеями или греками из Греции урумы признают себя не *настоящими*, *смешанными* греками, *греко-татарами* и ищут объяснения подобного положения, апеллируя к этногенетическим мифам. Урумы не готовы "перестать" быть *греками* и в то же время не хотят отказываться от своего языка и чувства солидарности с носителями сходных идиомов. В конфликте языка и этничности урумов высокая языковая лояльность последних и необходимость поддержания границы с румеями, различающимися лишь лингвистически, приводит к поиску смешанной идентичности и, в исключительных случаях, даже к отказу от *греческой* этничности и включению себя в новое воображаемое сообщество – *турки или греки Турции*.

Примечания

¹ Статья основана на полевых материалах автора. Интервью проводились в крупных поселках с преобладающим урумским населением: Старый Крым Мариупольского р-на (в 2003–2004 гг., примерно 6500 жителей), Гранитное Тельмановского р-на (2004–2005 гг., 4100 жителей). Некоторые наблюдения сделаны во время коротких поездок в другие урумские поселки – Мангуш Первомайского р-на, Староигнатьевка и Каменка Тельмановского р-на.

² Язык обеих групп в переписях указан "греческий" (или "язык своей национальности"), поэтому затруднительно определить соотношение тюркоязычных и грекоязычных греков Приазовья.

³ Наиболее полное этнографическое описание традиций греков Приазовья представлено в обобщающей работе Ю.В. Ивановой (Иванова 2004); однако в настоящее время материальная культура греков Приазовья мало отличается от "повседневности других групп", как отмечает К. Кауринкоски (Kaurinkoski 1997: 155).

⁴ Для приазовских греков не было характерно представление о Греции / Элладе как о прародине: о восприятии и распространении идеи диаспоры см.: Kaurinkoski 2003.

⁵ В скобках указываются инициалы, пол, год рождения информанта, место жительства.

⁶ Столь жесткая позиция была характерна для ФГОУ в 1990-е годы; в последние несколько лет она начала меняться под влиянием урумов.

⁷ Мариупольские греки не осведомлены о неприязненных отношениях между Грецией и Турцией.

⁸ Это характерно и для жителей поселков Гранитное или Мангуш, но в поселке Старый Крым, где расположена школа с углубленным изучением новогреческого языка и куда часто приезжают делегации из Греции, вопрос о соотношении румейского, новогреческого и урумского языков приобретает большую, по сравнению с другими поселками, остроту.

Литература

- Вахтин 2001 – Вахтин Н.Б. "Языковая смерть" в функциональном аспекте: особенности функционирования марковского говора // Тр. факультета этнологии / Ред. А.К. Байбурун. Вып. 1. СПб., 2001. С. 272–291.
- Елоева 1995 – Елоева Ф.А. Тюркоязычные православные греки Восточной Грузии (Цалкинский и Тетрицкарыйский районы). СПб., 1995.
- Иванова 2004 – Греки России и Украины / Сост. и отв. ред. Ю.В. Иванова. СПб., 2004.
- Шнирельман 2003 – Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнограф. обозрение. 2003. № 4. С. 3–14.
- Anderson 1998 – Anderson B. Imagined communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised ed. Verso, L.; N.Y., 1998.

- Fishman 1989a* – *Fishman J.A.* Language Maintenance and Ethnicity // *Fishman J.A.* Language and Ethnicity in minority sociolinguistic perspective. Clevedon, Philadelphia, 1989. P. 202–223.
- Fishman 1989b* – *Fishman J.A.* Puerto Rican Intellectuals in New York: Some Intragroup and Intergroup Contrasts // *Fishman J.A.* Language and Ethnicity... P. 485–497.
- Fishman 1997* – *Fishman J.A.* Language and ethnicity: the view from within // *The Handbook of Sociolinguistics* / Ed. F. Coulmas. Oxford, 1997. P. 327–343.
- Kaurinkoski 1997* – *Kaurinkoski K.* Les Grecs dans le Donbass. Analyse des identités collectives dans deux villages d'Ukraine orientale. Thèse de doctorat, Université de Provence (Aix-Marseille I), 1997.
- Kaurinkoski 2003* – *Kaurinkoski K.* Les Grecs de Mariupol (Ukraine). Reflexions sur une identité en diaspora // *Revue Européenne des Migrations Internationales*. 2003. 19 (1). P. 125–146.